
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Ульяна Хомякова
(г. Серпухов — г. Москва)

СВИТЕР ДЛЯ МЛАДШЕЙ СЕСТРЫ

Родилась в 1990 году. Писать начала в школе, в пятнадцать лет перешла на рассказы. В 2007 году поступила в Литературный институт им. М. Горького. Сейчас учится на четвертом курсе в семинаре Р. Т. Киреева.

Фиолетовый квадрат

Это все с Шурки началось и с разваливающегося «Берсерка». Мы срочно увозили из клуба вещи: доспехи, луки, деревянные дрыны и историчные платья. Теперь нас было уже около тридцати, но еще полгода назад клуб жил. В зале, за прикрытыми хлипкими, как у шкафа, дверьми, тогда постоянно кто-то гремел, стучал, целился, от стальных мечей летели искры, кто-то бился головой об обитые пенопластом стены. В Большой Тусовочной всегда кипел чайник, и — уже как предмет интерьера — шили наши девочки, обложившись тканями, клубками тесьмы и кружками с кофе. В Малой Тусовочной иногда появлялись тени мальчики из мастерской; перекидывались умными фразами про наконечники копий какого-то века, или про отличия северных и южных кольчуг. Мы, новенькие, выслушивали эти речи со священным трепетом. Раз в полгода — год весь полуподвальный клуб пах лимоном: ребята чистили от ржавчины доспехи, натирая сочными половинками фрукта погнутые и кое-где даже пробитые детали. Потом их складывали в той же малой тусовочной и ждали, пока запах улетучится сам: с вентиляцией в подвале были проблемы. Еще здесь стоял сундук самой лучшей когда-то нашей швеи, Шурки: большой, серый, кажется, раньше был для снарядов, весь набитый тканью, нитками, тесьмой и другими необходимостями. Я никогда и не думала толком его рассмотреть: он стоял закрытый, заваленный сверху перепутанной одеждой для турниров и для офисов. Шура заправляла у нас всем: ключи, чайники и лекарства можно было найти у нее. Иногда мне казалось, что весь клуб стосковался по материнской заботе, и потому приходит, капризная, к этой темноволосой худой девочке, которая может, если хочет, остаться вовсе незамеченной: «Шурка, а где утяжелители?», «Шурка, а когда турнир?». Помню день, когда она, не знаю, почему, решила уйти из «Берсерка». Мы тогда вместе уезжали домой еще засветло. Я замешкалась внизу, а она поднялась по крутой лестнице и стояла в

дверном проеме. Закатное солнце, как в кино, освещало ее чуть сгорбленную невзрачную фигурку, и я подумала: какая она взрослая, и как она устала. Подошла, посмотрела на нее: плащ болотного цвета, истертые темные джинсы, свитерок, которому уже лет пять — все как всегда, только в глазах — решение жить для себя. Поняла тогда, что нашей Мамы-Шурки больше нет. Впервые вместе закурили, любуясь грязным закатом окраины Москвы.

Еще в клубе была неразлучная троица: два мальчика и одна девочка. Они вместе ездили на турниры, дрались, ругались, бегали с гиканьем по клубу и, как дети, били друг друга пустыми пластиковыми бутылками. Странные люди, они могли зло обсмеять, когда кому-то из них требовалось утешение и ласка — и это помогало куда быстрее. Их доспехи висели вдоль стены на больших деревянных крестах, пустые глазницы шлемов, особенно в темноте, зловеще смотрели на нас. Над одним из доспехов на пожелтевшей бумаге ученическим почерком было написано: «Просьба сей комплект не использовать без ясно выраженного моего разрешения». Правда, бывало, что доспех на время уезжал вместе с владельцем, и на кресте оставалась, в лучшем случае, нижняя рубашка, а над ней — пафосная надпись. Мальчику этому тогда не было и восемнадцати. Симпатичный, но робкий по жизни, он нарочно громко смеялся и шутил, пряча глаза, когда я приходила на тренировки, предлагал помочь мне собрать доспех... а потом он исчез, и я не интересовалась, куда. Помню, как странно было увидеть первый пустой крест в клубе — а над ним надпись, съезжающую по неразлинованному листу: «Просьба сей комплект...»

Теперь же, зайдя в клуб, я поежилась и пожалела, что не захватила еще одного свитера: в подвале было холодно, влажно и темно. Свет горел только у входа, в обе стороны уходил темный коридор в разные Тусовочные. Я прошла направо, мимо крестов без доспехов, нащупала за висящим щитом с геральдикой «Берсерка» выключатель, и свет, будто подумав, поморгал и неярко осветил комнату. Вот он, большой шуркин сундук под непривычно пустыми вешалками. Шура сказала мне, что уже вряд ли зайдет сюда, и что все клубки отдает мне. Я медленно открыла замки, очень холодные, поддающиеся с трудом, приоткрыла крышку, и меня обдало запахом пыли. Нащупала под царапающей кожу парчой спутанные нитки, вытянула с ними руку. Рыжие, синие, красные нити тянулись у меня по ладони, как паутина, уходя вглубь, где лежали сами клубки. Я сперва вежливо откладывала ткань, потом почти зарылась с головой в сундук, доставая клубок за клубком. Каждый раз я видела новые и новые нити разных цветов, и они, смеясь, звали меня за собой.

Синий квадрат

— Знаешь, за что я люблю Чехова?

— За что? — Настя поднимает красивые брови, протирает со стола. Сестра намного старше меня, отличница-студентка МГУ, — Давай угадаю. За «трех сестер», за вопли Иры «В Москву! В Москву! Здесь, в глуши, знание трех языков — ненужный придачок...» или как там?... — Я киваю, Настя улыбается, легко подкидывает портфель на стол, раскладывает что-то там внутри, — Будет у тебя Москва, если продолжишь хорошо учиться, правда.

Я вздыхаю, собираюсь в школу. Дневник, учебник, тетради, учебник. Надеваю темно-зеленую мешковатую форму, машинально затягиваю мышинные волосы в низкий хвост, нацепляю очки. Гляжу в зеркало, как всегда, вздыхаю, иду в соседнюю комнату. Там спит младшая, Ника, положив руки под щеки и сбросив с себя все одеяла.

— Ник, вставай, — в ответ только непонятное бурчание, сестра натягивает скинутое одеяло и поворачивается на другой бок, — Ну Ниииика, — тяну другой конец по-

крывала, щекочу, она брыкается обеими ногами, но глаз упрямо не открывает,— Ну и ладно, не буду я тебя будить,— я поворачиваюсь и выхожу из комнаты, и вдогонку мне летит абсолютно проснувшийся недовольный возглас.

Если разбудить младшую сестру — это умение, почти искусство, приобретаемое с годами, то дойти с ней до школы — это ежедневная тренировка терпения. Обычно я — таки не выдерживаю и ускакиваю вперед. Ника идет очень медленно, предпочитая разглядывать разные травинки вокруг и здороваться даже с незнакомыми людьми, отчего я сгораю со стыда и тяну ее дальше. Но сегодня мы идем с ней вместе. Тропинка петляет, иногда превращается в большущие лужи, первые осенние листья застревают на елках.

— Давай поболта-аем,— просит сестра. Перепрыгивает через лужицу, поднимая повыше пакет со сменкой.

— Не хочу,— по привычке отрезаю я.

— Ну опять ты не хочешь,— вроде как даже обижается Ника,— ты ничего не хочешь, ты вообще чего-нибудь хочешь?

— В Москву хочу,— тихо отвечаю я, не ожидая, впрочем, что младшая меня поймет.

— А зачем тебе туда? Почему ты не хочешь в Серпухове учиться? Ты же все равно на учителя хочешь!..

— Ты не понимаешь!..— Отворачиваясь, досадливо говорю я. Нет, только не Серпухов. Грязный районный центр, в котором я буду обречена носить всю оставшуюся жизнь низкий хвост и брюки, потому что считаю, что не имею права ни на что другое? Институт, где я продолжу учиться со своими же одноклассниками? Всю жизнь каждый день учиться, возвращаться домой, ужинать, мыть посуду и ложиться спать — а ведь если я не вырвусь отсюда сейчас, то не уеду никогда? Ну нет уж!

— Опять я ничего не понимаю! — Ника надулась, замолчала. Шлепает, шлепает грязь под ботинками, выходим к дороге, по эту сторону низкая трава — уже полегла от первых дождей и начала желтеть, по ту сторону высокая, стоящая стеной у тропинки. Переходим дорогу, с травы слетают капли то ли дождя, то ли росы; портфели и курточки мгновенно становятся влажными, мокрые ветки задевают по лицу. Ранец тянет плечи, неуклюже закручивается на длинных ручках пакет со сменкой. Сзади идет сестренка, молчит и дуется, но я знаю, что здесь она, за спиной — даже не оборачиваясь. А воздух — воздух утра в родном поселке, запах дороги в школу, осенний такой запах.

Голубой квадрат

Последний день лета. Этот год. Семь утра. С Белкой я встречаюсь на Новогиреево. Выходим, я уверенно иду ко МКАДу, Белка норовит пойти дворами. Пошли ее путем, заблудились, промочили кроссовки в траве — пока вышли к трассе, было уже больше восьми утра. Мы никогда не извиняемся и не оправдываемся друг перед другом. Белка поправляет кожаный хайратник, длинный коричневые волосы убраны в тугий низкий хвост. У нее светло-голубые детские глаза и черная футболка с волком, в которой она ходит и на тренировки — мы с ней из одного клуба. Маленький рюкзачок — явно не взяла с собой свитера. Непрактично. Я — в ярко-желтой кофте, повязанной на поясе, с двумя косичками, в которые вплетены желтые же ленточки. Проходим под мостом, потом мимо каких-то заграждений, где тоже не могут останавливаться машины. Встаем на пыльной полосе метров в десять, поднимаем руки. Мимо проезжает апельсинно — оранжевая легковушка, мигает фарами в каком-то латиноамериканском ритме и, забавно гудя, проезжает мимо. Мы машем ей вслед. Еще штук тридцать проехало, не замечая нас. И тут какая-то серая газелька остановилась метров на 5 дальше. Подскакиваю, открываю дверь, выдаю залпом:

— Мы едем автостопом до Владимира. Подбросите по трассе? — Водитель лет пятидесяти молча кивает, поглаживает седеющие усы, отворачивается. Я машу Белке рукой, она подбегает, придерживая висящий на одной лямке рюкзак. Запускаю ее, запрыгиваю сама.

— А вы куда едете? — хором задаем первыми вопрос.

— В Муром, — отвечает драйвер, почему-то делая ударение на «о».

— В Муром... — протягиваю я, это почти на 200 километров дальше, чем мы собирались. — Катя, ты в Муроме была? — Она не любит, когда я ее называю по имени, но при водителе по-другому нельзя. Белка подозрительно смотрит на меня, улыбается. Кажется, мы друг друга поняли.

— А не подвезете ли и нас до Мурома? — и на удивленное бурчание водителя добавили, — мы просто путешествуем, нам все равно, куда ехать.

Драйвер пожал плечами, согласился; покрутил что-то, включил музыку — странную, восточную какую-то.

— А вы зачем в Муром? — следуя старой традиции, треплюсь с водителем, пока ему не надоест.

— А я в Муром еду работать. Я турок, работаю в турецкой фирме в Москве и каждую неделю езжу в Муром.

Мы с интересом вперились в нашего водителя. Да какой из него турок. Так, наполовину...

— А вы не боитесь автостопом ездить? — О да, вот он, фирменный вопрос всех водителей.

— Нет, не боимся, — отвечает Белка. — А как иначе путешествовать, денег-то нет!

— А дома что говорят?

— Ну... у меня все уверены, что я коплю на поезда, — усмехается Белка. Она опытнее меня в путешествиях. В одиночку, хоть это и опасно, доехала от Москвы до Полтавы, а рассказывала потом только о больших-больших звездах над ночной южной трассой.

— А я в общежитии живу, так что всем пофиг. Только младшая сестра все интересуется, что это я так разъездила по всяким городам.

— А с сестрой не ездите?

— Нет, я за нее боюсь — мало ли что случится. Я ей никогда и не скажу, что стопом езжу, а то не поймет и повторит за мной. Маленькая ведь.

— А сколько вам лет-то?

— Девятнадцать... — нестройным хором протягиваем мы.

— Молодые, — то ли усмехается, то ли вздыхает турок, — Вы подружки?

— Попутчицы. Что, молодые — потому и глупые, потому и стопом ездим? — подначиваю я.

— Ну... Я этого не говорил, — смеется драйвер, чуть задирая вверх кончики усов.

— Так кто-то же должен был озвучить, — парирую я. Белка смеется. Не тем истеричным, заикающимся смехом, что в городе, а залившимся, таким заразным, что мы все трое хохочем. Музыка играет, драйвер улыбается, дорога закатывается куда-то под колеса, впереди так много ничейных километров.

Зеленый квадрат

Ее почему-то не любили в поселке. Взрослые ее попросту не замечали, а дети на улице орала ей вслед стишок:

*Бабка Ненила
Кошек кормила.*

Оканчивался стишок описанием того, что сделали с Ненилой неблагодарные кошки. Стишок был неприличным и привязчивым. Бабка правда кормила кошек. Каждое утро я видела, выглядывая в окно, как из соседнего дома выходит старушка — полная, в синем подпоясанном истрепанном халате, в белом платке, — созывает кошек, кладет на крышку люка газетный листок, на него какую-то еду, чаще всего, косточки, и уходит, не оглядываясь на своих питомиц.

Однажды я должна была зайти к однокласснику за домашним заданием и перепутала подъезд. Я подошла к крашеной желтой двери с латунным номерком, поискала звонок, но его не было. Тогда я постучала. Никто не отвечал. Я толкнула дверь, и она, к удивлению, поддалась. Из двери пахло запахом куриного бульона, и я услышала стук часов. Я просунула голову в чужую дверь и увидела маленькую темную прихожую, в которой можно было разглядеть лишь много пустых вешалок — только на одном крючке висела зимняя телогрейка и пуховый платок. Из прихожей вел коридор в кухню, куда я, даже не заходя в квартиру, смогла заглянуть. Над плитой стоял пар, и отсюда вкусно пахло бульоном. Перед кастрюлей я увидела Ненилу: она стояла спиной ко мне, в своем вечном синем халате, низко нагнув голову и сгорбившись, и мешала в кастрюле большой деревянной ложкой. Помню надо всем — над сосредоточенной Ненилой, безупречно чистой, будто нежилой, кухней, надо мной, засунувшей голову в чужую жизнь — лишь стук часов да запах бульона.

Однажды, уже после Нового Года, я увидела, как она тащит елочку. Елочка была совсем маленькая, но ветки все равно волочились по тротуару, сметая грязь и песок. Я спросила, могу ли я ей помочь. Ненила нехотя, подумав, отдала елку мне и, не сказав ни слова, продолжила дорогу. Мне не оставалось ничего более, как пойти за ней. И вот — уже знакомая мне, желтая, с подтеками краски дверь. Старушка недолго повозилась с ключом, медленно, без скрипа отворила дверь, стянула валенки, поставила их к батарее и поманила меня пальцем. Никогда в жизни не видела я ничего похожего на эту комнату! В углу стоял старый красный драный диван, у противоположной стены — сервант с сервизом, и — вся комната была завалена елками. Тут были и искусственные, и настоящие, совсем крошечные и большие, на некоторых еще остались клочки мишуры, разбитые шарики. Весь пол был покрыт коричневыми елочными иголками. В дальнем углу стояло два ящика с порченными новогодними украшениями и обертками от петард. Ненила тыкнула мне пальцем в тот угол. Палец был желтый, как макаронина, и, как у многих пожилых людей, не разгибался до конца. Я прошла через комнату, осторожно переступая через елки, и положила свою ногу туда. Возвратясь к двери, я обернулась: елка лежала как-то скособочено, неуклюже, поджав под себя половину веток, верхушкой книзу — но перекладывать ее не стала. Я вышла в прихожую. Бабка смотрела на меня снизу вверх — она была ниже и толще меня — и пыталась сложить губы в улыбку. Что-то шамкая почти беззубым ртом, она протянула мне маленькую шоколадку «Аленка». Протянула — и держит, и рука дрожит, но не опускается. Я взяла шоколадку, поблагодарила и вышла, прикрыв за собой дверь.

Потом я уехала в Москву, и больше ее не видела.

Желтый квадрат

Вы пытались когда-нибудь пощекотать ресницами собственные щеки? Я пыталась. Сейчас сижу в вагоне метро, рядом со мной — Миша. Долговязый и намного старше меня. Уткнулся в моего Кен Кизи, будто ему правда интересно. Рядом сидит Аня и листает «русских художников», напротив — Белка читает какую-то фэнтэзи. Забавно следить за тем, как меняется ее лицо. Сомневаюсь, что ее книга интереснее моих наблюдений.

Аня читает с неизменяемым выражением «да вы что!». Мишкино лицо тоже не меняется, только он изредка косится на меня, я чувствую. Да, чувствую, потому что я закрыла глаза и пытаюсь щекотать ресницами щеки. Он хороший, милый, женат. Вспоминаю фотографии его жены, разысканные мною в интернете и закрываю глаза, чтобы он их больше не видел. В борьбе, которой мы все занимаемся, нельзя смотреть в глаза, если хочешь победить.

На прощанье, как всегда, обнимаемся, Мишка чмокает меня в щеку, девочки снисходительно улыбаются. Мы с Белкой идем гулять на Поганище, Мишка едет домой, Аня — в общагу. На площади пусто и холодно, неформалы в черном прячутся в переходе, там пьют — в основном, дешевую гадость, и курят — в основном, дешевую гадость. Но это тоже почему-то кажется милым.

— Девчонки, лучше по земле перейдите,— предупреждает нас какой-то хайратый парень — выше нас на две головы, волосы до плеч,— там менты сейчас разбираться будут.

Мы послушно отходим к народу, подпрыгивающему от холода у входа в метро. Поземка, ветер, готическое здание, скрывающее подземку; справа — торговый центр и дорога, по которой метет снежную пыль и машины; слева — церковь с большущим ангелом с мечом над входом. Надо всем — Ленин. Протягивает руку, ловит снежинки. Смотрит куда-то вперед выпученными глазами. Так величаво стоят только обмшуренные при всем народе люди, которые изо всех сил пытаются показать, что их достоинство не задето.

Красный квадрат

В метро я теперь вяжу. Друзья сначала посмеиваются, потом привыкают. Остальным просто все равно.

Я вяжу свитер для младшей сестры. Теперь зима, и я хочу успеть к наступлению тепла, чтобы она ходила в нем во «время свитеров», середину весны.

С каждым новым цветом из моей памяти почему-то встают новые и новые слова, люди, события. Разноцветные квадраты лежат в моей комнате везде: на столе, на кровати, под столом.

Иногда нет ничего важнее, чем связать свитер для младшей сестры.

